

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 342.725:811.161.1'244'26

Белов Сергей Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
s.a.belov@spbu.ru

Кропачев Николай Михайлович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
n.kropachev@spbu.ru

Понятие государственного языка

Для цитирования: Белов С. А., Кропачев Н. М. Понятие государственного языка. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020, 17 (1): 4–21.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.101>

В статье предпринята попытка определить место понятия «государственный язык» в системе смежных категорий как лингвистического, так и правового характера. Употребление этого термина часто соотносится с разными понятиями, порождая путаницу и неопределенность относительно его содержания. Анализируя причины и цели установления государственного языка, соотнося этот термин с терминами, которые используются в других языках и которые зафиксированы в рекомендациях экспертов ЮНЕСКО 1953 г., сопоставляя государственный язык с категориями лингвистики, обобщая высказанные в научной литературе мнения, авторы приходят к выводу, что государственный язык — это правовая, а не лингвистическая и не лингвометодическая категория. Государственный — это правовой статус, придаваемый определенному языку в целях обеспечения единства государства (как политической нации), создания единого общественного коммуникативного и культурного пространства вместе с установлением формализованных правил, соблюдение которых обязательно в сферах, нормативно определенных и в совокупности формирующих публичное пространство общественной коммуникации. Это пространство не ограничивается только взаимодействием с государством, а охватывает гораздо больший круг языковых доменов. Подобные задачи не позволяют ограничить содержание государственного языка одним из функциональных стилей языка, признать его социальным диалектом или жанром языка. Функции обеспечения общего коммуникативного пространства государственным

ный язык выполняет, обращаясь к лингвистической категории «стандартного» (литературного) языка, исходя из того, что именно эта часть национального (в лингвистическом значении) языка может обеспечить эффективную коммуникацию между представителями разных языковых сообществ. Указанные характеристики государственного языка должны учитываться при его изучении в школах; образовательные стандарты, программы и другие нормативно-методические документы должны учитывать необходимость освоения правил функционирования государственного языка, что в настоящее время не обеспечивается.

Ключевые слова: государственный язык, официальный язык, национальный язык, литературный язык, нормы языка.

Введение

Термин «государственный язык» в настоящее время широко используется в законах [Закон 1991; Закон 2005] и других нормативных правовых актах [Приказ Минобрнауки 2007], методических документах, связанных с обучением языку и проверкой знания языка, а также в научных и учебных публикациях по социолингвистике [Holmes 2013: 102 ff.; Вахтин, Головкин 2004: 42; Словарь социолингвистических терминов 2006: 47]. Этот термин зачастую можно встретить в разных значениях; такое использование порождает путаницу в отношении содержания самого понятия, о котором идет речь. Споры, которые ведутся вокруг характеристики языка как государственного, порой демонстрируют серьезные расхождения в его восприятии. Государственный — это функция языка, предопределяющая его лингвистическую характеристику как функционального стиля (официально-делового)? Это формальный статус, который предоставляется языку, или фактическое положение языка как наиболее значимого в том или ином государстве? Можно ли считать, что язык, выполняя роль государственного, получает какие-то особые характеристики с точки зрения лексического состава или других свойств? Те строки, которые вы сейчас читаете, написаны на русском языке как государственном языке Российской Федерации или просто на русском языке? Есть ли особые правила государственного языка, и можно ли изложить эти правила в отдельном справочнике, грамматике или словаре? Что именно выступает предметом изучения в школе и в вузе, предметом оценки при сдаче экзаменов на владение языком — просто язык или язык государственный? В ресторане, в магазине или в аптеке — это общение на государственном языке? Где границы пространства, защищаемого правом на использование любого языка, а значит и сферы языкового творчества, самовыражения в языковой игре? И что в этом случае выступает предметом правового регулирования использования государственного языка?

Ответы на эти вопросы требуют сформулировать понятие государственно-го языка, отграничить его от сходных и смежных понятий, что и стало основным предметом настоящей статьи.

Государственный язык = язык государства?

При ответе на приведенные выше и многие другие вопросы, не имея ни четко разработанного в науке, ни сформулированного в официальных документах определения понятия «государственный язык», многие ищут опору в самом термине.

Такой подход характерен в том числе и для профессиональных филологов [Руднев, Садова 2017], которые исследуют проблематику государственного языка.

«Государственный» по понятным причинам ассоциируется с государством. Легко представить себе, что речь идет о языке государственных органов, языке издаваемых ими нормативных и иных актов, языке судопроизводства и т. д. При таком восприятии «государственный» — это язык государства, его аппарата, его органов, его служащих, словом — язык официальных взаимоотношений с государством.

Другие сферы общения — СМИ, образование, реклама, разнообразные публичные мероприятия — на первый взгляд выглядят как не имеющие никакого отношения к сферам, связанным с государственным языком, и попытки правового вмешательства государства с целью регулирования использования языка в этих сферах вызывает естественное недоумение и даже враждебность: если речь не идет о взаимодействии с государством, то и нет никаких оснований для правового вмешательства, нет оснований вменять в юридическую обязанность использование за пределами взаимоотношений с государством того или иного языка [Кронгауз 2003]. Включение законодателем всех этих сфер в закон вместе с требованием обязательного использования в них государственного языка воспринимается как нелепость и несуразица: зачем в рекламе (в СМИ, при публичном показе художественных произведений, в информации для потребителей) государственный язык, если это не официальная сфера, т. е. не сфера деятельности государственных органов [Шмелев 2006]?

В общем виде проблему можно сформулировать так: должны ли сферы общения, лежащие за пределами ситуаций официального взаимодействия с государством, быть свободны от правового вмешательства в отношении требований использовать в них какой-то определенный язык? Или законодательное вмешательство неслучайно, и под обязательностью использования языка есть принципиальные основания — основания, которые не являются прихотью законодателя или его стремлением использовать язык как политический символ, а предопределены социальными и правовыми ценностями и принципами?

Такие ценности и принципы, общие цели установления обязательного государственного языка были описаны нами в предшествующих публикациях (напр.: [Белов, Кропачев 2016]). Резюмируя изложенные в этих публикациях идеи, можно утверждать, что основная цель установления государственного языка — это обеспечение общественного единства в пределах конкретного государства, единства страны, единства политической нации. Такое культурное и национальное единство страны опирается на общий язык. Единство народа любой страны опирается на общность культуры, ценностей, нарративов, а все эти явления тесно связаны с языком, с тем, что язык выражает и отражает. «Идеал нации: внутренняя сплоченность...»; поскольку последняя «непременно связан[а] со свободной и достаточно интенсивной коммуникацией внутри нации, национальный идеал требует, чтобы существовал единый языковой код, посредством которого может осуществляться подобная коммуникация» [Хауген 2012: 105].

Интеграция в любую национальную культуру, в любое общество требует не только знакомства с обычаями и социальными практиками, но и освоения языка, иначе в этом обществе человек неизбежно будет чувствовать себя чужим.

Комфортное социальное существование человека немислимо без эффективного вовлечения его в единое пространство той общественной коммуникации, той информационной среды, которая затрагивает любого члена общества, его интересы, его права, обязанности и ответственность. Публичная сфера общения не ограничивается лишь официальным взаимодействием с государственным аппаратом, она гораздо шире и охватывает широкое общественное пространство взаимодействия.

В то же время эта публичная сфера не безгранична — она не захватывает все сферы речевого общения, любую коммуникацию. Общение в семье, в кругу друзей, в профессиональном сообществе, творчество, связанное с языком, — все это лежит за пределами того, что обеспечивает единство общества. Вмешательство правовых предписаний в эти сферы не может быть юридически оправданным, поскольку социально значимая «легитимная» цель такого вмешательства отсутствует, тогда как права граждан защищены конституционным правом на свободный выбор языка общения, обучения и творчества (в российской Конституции это ч. 2 ст. 26). Данное право защищает национальные культуры и языки, которые не выполняют функции обеспечения общественного единства, но представляют собой важную часть культуры.

Провозглашение языка государственным языком многие десятилетия рассматривалось сквозь призму ограничений, навязывания, даже насилия. В отечественной науке начало такой традиции положили труды В. И. Ленина, критиковавшего саму идею признания какого-то языка обязательным для использования [Ленин 1914; 1973: 293–295]).

Провозглашение языка государственным в трудах порожденной этим традицией рассматривалось прежде всего как насилие одного этноса над другими. В империи — государстве, где какая-то этническая группа доминирует над другими национальностями, — государство демонстрирует политическое господство, заставляя общаться с собой на языке «титальной» национальности. Объявив язык «государственным», доминирующая национальная культура декларирует его высочайший статус, использование языка в политической официальной сфере делает этот язык престижным: владение таким языком становится обязательным условием для карьеры, прежде всего политической, для высокого социального статуса.

Создание централизованных государств Европы неизбежно сопровождалось утверждением «общенациональных» языков, которые должны были олицетворять единство новой нации (больше в политическом, чем этническом смысле). Кастильский стал общенациональным языком объединенной Испании, низведя на уровень «региональных» языков (языков национальных меньшинств) каталонский, галисийский, аранский и баскский; французский поступил аналогичным путем с бретонским, окситанским, франкопровансальским, эльзасским (что официально во Франции было признано лишь в последние годы); немецкий — с нижнесаксонским, фризским и лужицким; итальянский — с ладинским, тем же франкопровансальским и многими другими. Именно в этот период для выделения общенационального языка из разных диалектов и появилось понятие некоего «стандартного» языка, чаще всего зафиксированного в словарях академий как общий язык — наддиалектная кодифицированная форма конкретного языка.

Когда империи стали уходить в прошлое, «государственный» язык стал означать доминирование определенных групп внутри одного социума. Отдельные тер-

риториальные и социальные диалекты стали вытесняться из некоторых публичных сфер, напр. из СМИ, хотя за пределами этих сфер любой язык сохранял и неизбежно сохраняет значительную вариативность. Определенная социальная группа, ставшая общественной элитой, навязывает «свой» язык всему обществу. Правовое регулирование статуса государственного языка — это создание гарантий того, что язык в этой своей функции не выйдет за пределы строго необходимого, а потому вполне понятно стремление сторонников свободы языка ограничить государственный язык только одним функциональным стилем и исключительно официальным взаимодействием с государством.

Сегодня этот подход должен быть пересмотрен. Вряд ли кто-то сегодня рассматривает государство как инструмент классового или иного социального господства. В современном мире это политическая форма объединения граждан для совместного решения общих вопросов. Соответствующим образом должно меняться и отношение к общему, государственному языку. С введением всеобщего школьного образования у каждого гражданина появилась возможность знать стандартный (литературный) язык, понимать его и пользоваться им. Общество становится более однородным в языковом отношении применительно к обсуждению общественно значимых вопросов политики, права, экономики, культуры. В демократическом государстве иная ситуация была бы недопустима, поскольку каждый гражданин имеет право на получение доступной ему информации, которая так или иначе затрагивает его права и законные интересы, позволяет ему участвовать в общественной жизни, исполнять свои юридические обязанности. Эти принципы сужают пространство гетерогенных различий разных социальных вариантов языка, и основные общественно значимые домены (выходящие далеко за пределы только официального взаимодействия с государством) попадают в пространство правового регулирования языка — «государственного» языка.

Получается, что сферы общественной коммуникации, единство языка которой критически важно для обеспечения единства страны, должны включаться в предмет правового регулирования, но эти сферы, с одной стороны, не бесконечны и не охватывают все речевое поведение человека, а с другой — оказываются явно шире, чем официальное взаимодействие с органами государства. Эти различия неизбежно должны отражаться в терминологии, поскольку для обозначения разных пределов обязательности языка, очевидно, должны существовать разные обозначающие эти пределы категории. Однако в отношении терминологии существует очевидная неопределенность, по крайней мере в русском языке.

Трудности терминологии

Русский термин «государственный язык» может вводить в заблуждение прежде всего потому, что понятие «государство» в русском языке многозначно и может обозначать и государственный аппарат (систему государственных органов), и страну [Большой юридический словарь 2009; Ожегов, Шведова 1996: 137–138]. Причем в России именно слово *государство* [Новая философская энциклопедия 2010: 546] используется для обозначения той политической общности, которая во многих других языках обозначается как «нация» (германская нация, французская нация). В русском языке «нация» и «национальный» отсылают скорее к этнической,

а не политической общности [Ожегов, Шведова 1996: 390], и хотя в социолингвистике термин «национальный язык» используется [Словарь социолингвистических терминов 2006: 148–149], но имеет несколько иное значение и широкого распространения, в том числе в нормативных правовых актах, не получил, хотя это могло бы снять значительную часть неопределенности с понятиями «государственный», «национальный» и «официальный» язык.

В европейских языках термин «государственный язык» обычно не используется. В английском языке употребляются термины «national language» и «official language» (понятие «state language» встречается очень редко, в основном при переводах с других языков, напр. с русского; в формальном контексте может употребляться «language of state» [Minority-Language Related Broadcasting 2003: 9, 10, 186], но это происходит редко), во французском — «langue officielle» и «langue nationale», в немецком — «Amtssprache» и «Nationalsprache», в испанском — «idioma oficial».

Известное и часто упоминаемое и в научных публикациях, и в официальных документах предложение различать «официальный» и «государственный» язык было сформулировано в докладе экспертов ЮНЕСКО в 1953 г. В оригинальном тексте на английском языке оно выглядит как предложение различать «official language» и «national language», признавая, что

- государственный (national) язык — это язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства;
- официальный (official) язык — язык государственного управления, законодательства, судопроизводства [The use of vernacular languages 1953: 46].

В тексте самого доклада, правда, для целей образования эти языки не слишком четко разграничиваются. Несмотря на основное стремление авторов доклада к защите прав на пользование родным языком, они признают очевидную необходимость изучения «национального» языка. Эта необходимость связана с возможностью доступа не только к материалам государственной политики (законам, политике государственных органов, экономическим процедурам), но и к материалам истории, новостям, искусству, науке, технологиям [Ibid.: 55]. Именно это различие между «национальным» и «официальным» языком в отечественной терминологии сильно нивелируется в результате описанных выше нюансов восприятия термина «государственный» [Подмаско 2010]. В результате многие игнорируют или даже оспаривают ту самую интеграционную функцию, которую должен играть государственный язык, настаивая на ограничении его применения только официальными сферами¹.

¹ Помимо указанной выше работы М. А. Кронгауза [Кронгауз 2003], характерно, например, определение государственного языка, которое давал в своих работах известный юрист А. С. Пиголкин: государственный язык — «это язык, на котором государственная власть общается с населением, разговаривает с гражданином». Правда, дальнейшие объяснения дают основания считать, что речь идет о государстве, тотально контролирующем не только экономику, но и все остальные общественные сферы: «Это язык официальных вывесок и объявлений, печатей и штампов, маркировки отечественных товаров, дорожных знаков и наименований улиц и площадей. Это язык, на котором осуществляется обучение в школах и других учебных заведениях, который должны изучать и активно использовать граждане соответствующего государства. Преимущественное использование на телевидении и радио, при издании газет и журналов — также одна из функций государственного

Российский законодатель рекомендациям экспертов ЮНЕСКО не последовал, либо посчитал, что в русском языке термин «государственный язык» сам по себе соответствует термину «national language», а не «official language», и начиная с первого закона, признавшего в нашей стране русский язык государственным языком, — Закона РФ «О языках народов РФ» 1991 г. [Закон 1991] — стал использовать термин «государственный язык» как для языка официального взаимодействия с государством, так и для языка политического, социального и культурного единства государства, отчасти, видимо, предполагая, что использование для обозначения более широкой области поглощает обязательность использования в сферах официального общения с государством. «Официальный» язык предполагается «внутри» «государственного» языка: как формулируют это лингвисты,

понятие «государственный язык» гораздо шире понятия «официальный язык»: государственный язык — язык культуры, политики, науки, функционирующий во всех сферах коммуникации социума, а официальный язык — язык госучреждений, делопроизводства, суда [Михальченко 2016: 16].

Закон «О языках народов РФ» 1991 г. допускал (п. 4 ст. 3) использование в дополнение к государственному языку в официальных сферах общения языков компактно проживающих национальностей в качестве «официальных языков» [Закон 1991], тем самым подчеркивая, что использование государственного языка не ограничивается только официальным общением с государственными органами [Доровских 2007]. И закон 1991 г., и позднее Закон «О государственном языке РФ» 2005 г. [Закон 2005] использовали термин «государственный» вместо «национальный» язык, вводя многих в заблуждение относительно того, о каком понятии идет речь.

В российском законодательстве, как очевидно следует из перечисленных в законе сфер обязательного использования, под государственным языком понимается язык национальный, т. е. язык, выполняющий интеграционную функцию. Есть, однако, и одно существенное различие между «государственным» и «национальным» языком — это юридический статус. «Национальный» язык может выполнять свою интеграционную функцию де-факто, не будучи прямо провозглашенным главным языком страны (как это, напр., происходило с русским языком в СССР). Выявление реального выполнения языком такой функции оценивается социолингвистическими исследованиями [Вахтин, Головкин 2004: 42]. Понятие «государственного» языка включает в себя особый юридический статус — нормативное закрепление положения языка, обязательности его использования в определенных сферах и правил такого использования.

Нельзя не отметить и различие между значениями «национального» языка как государственного языка и «национального» языка в лингвистике. Как лингвистическая категория «национальный язык» охватывает все формы и виды языка [ЛЭС 1990: 325], тогда как интегрирующую функцию язык не может выполнять во всем разнообразии своих вариантов. Интегрирующая функция (и функция «государ-

языка» [Пиголкин 1992]. Также см. статью Л. И. Скворцова — автор, доктор филологических наук, анализируя сферы обязательного использования государственного языка, приходит к выводу, что речь идет об официально-деловом стиле литературного языка [Скворцов 2005], тем самым косвенно отрицая возможность использования языка как государственного как минимум в СМИ и рекламе.

ственного» языка) предполагается за основным ядром «национального» языка — «стандартным» или «литературным» языком.

Государственный язык в языкознании

Отчасти указанные выше сложности становятся причиной того, что термин «государственный язык» не слишком дружелюбно воспринимается специалистами по языкознанию, поскольку обозначаемому им понятию сложно найти место в системе лингвистических категорий [Рябова 2016].

Лингвистика оперирует понятием функции языка и соответствующим ему понятием функционального стиля, а также понятиями речевых жанров, регистров языка и социолектов.

Для государственного языка его правовое положение (статус) как языка, обязательного для использования в определенных сферах, имеет слабое отношение к перечисленным категориям и даже к лингвистическим особенностям его функционирования.

Наиболее распространена лингвистическая характеристика государственного языка как функционального стиля. Некоторые авторы пишут об употреблении языка в функции государственного [Нерознак и др. 2001]. Например, Л. И. Скворцов, перечислив предусмотренные законом сферы обязательного использования государственного языка, утверждает:

Любому мало-мальски грамотному лингвисту из сказанного понятно, что речь идет не обо всем современном русском литературном языке, а лишь об одном из его функциональных стилей, а именно — официально-деловом, обслуживающем сферу государственной деятельности в различных ее проявлениях [Скворцов 2005].

При таком подходе речевые ситуации, которые возникают в сферах обязательного использования государственного языка, предопределяют тот набор языковых средств, который характеризует язык как государственный.

Само понятие «функциональный стиль», впервые сформулированное в сочинениях членов Пражского лингвистического кружка [ЛЭС 1990: 390], характерно именно для отечественной лингвистики, представляя собой до некоторой степени спорную категорию в языкознании [Долинин 2004], поскольку характеристика стиля языка отсылает не столько к конкретным правилам отбора языковых средств, свойственных этому стилю, сколько к индуктивно выявляемым особенностям лексики и синтаксиса, употребляемым в конкретных ситуациях.

Лингвистам оказывается проще воспринимать государственный язык как язык официальный, поскольку в этом случае возникает четкая отсылка к одному из функциональных стилей языка — официально-деловому стилю, тогда как восприятие государственного языка как языка общественного единства размывает его границы, лишает его четкого лингвистического референта. Напротив, в работах по социолингвистике подчеркивается, что роль государственного языка может выполнять лишь язык, развитый функционально, т. е. приспособленный к выполнению разных функций [Язык и общество 2016: 6; Словарь социолингвистических терминов 2006: 48].

Государственный язык нельзя определить не только как функциональный стиль, но и как жанр либо как регистр языка. В социолингвистике предпринимались попытки определения государственного языка как социолекта [Жирмунский 1936: 42] — языка социальной элиты, который приобретает социальный престиж вследствие высокого статуса носителей этого языка и/или навязывается как «правильный» язык (при его соперничестве с языками национальных меньшинств) или «правильный» вариант языка (при его соперничестве с другими социолектами и диалектами) [Бурдьё 2005]. Это, однако, не исключает необходимости описания, в чем именно состоит этот «правильный вариант» с точки зрения подбора используемых языковых средств — только в вариантах произносительной нормы либо нормы правописания или также и в отборе языковых средств, соответствующих определенным ситуациям (поскольку социальная элита может для разных ситуаций использовать разные варианты языка).

В связи с этим позиция законодателя о включении в сферы обязательного использования языка сфер, которые требуют использования разных функциональных стилей (помимо официально-делового, также публицистического или научного), вызывает критику со стороны лингвистов, поскольку категория «государственного языка» оказывается не соответствующей ни функциональной, ни иной дифференциации языка, «накладываясь» на разные лингвистические характеристики, но не совпадая ни с каким из них полностью.

В результате неудачных попыток приложить к языку лингвистические характеристики следует прийти к выводу, что характеристика языка как государственного лежит в иной плоскости. Государственный язык характеризуется его организационно-правовым статусом, положением, которое он занимает вследствие соответствующих правовых предписаний, и теми условиями его употребления, которые содержатся в этих правовых предписаниях.

Обращение к лингвистическим категориям в некоторых случаях используется как инструментарий правового регулирования, которое, как было указано выше, преследует социальную и правовую цель создания общего коммуникативного пространства в обществе. Объединение общества в конкретном государстве предполагается не только на политической, но и на культурной основе, требующей общего языкового пространства, которое обеспечит эффективное функционирование политической и экономической систем. Результат правового регулирования в сфере языка будет в равной степени неэффективным, его цель не будет достигнута, если законодатель вообще не будет употреблять лингвистических категорий. Именно поэтому для целей обозначения общенационального языка за рубежом возникло понятие «стандартного» языка [Гамперц 1975: 190; Gumperz 1968: 466], претендующего на нейтральность в отношении разных вариантов языка и в то же время выступающего в роли определенного общего языка, объединяющего разные языковые группы. «Стандартный» язык устанавливается через отсылки к определенному источнику, фиксирующему правила языка, который в силу своего и общественного авторитета, и правового положения становится нормативным, т. е. прескриптивным источником «правильного» и лексически, и синтаксически варианта языка. В качестве такого источника могут быть использованы разного рода словари и грамматики, либо предъявляющие нормативный вариант языка как единственно возможный, либо выделяющие из всего языкового многообразия «правильный»

вариант языка с помощью системы помет. Учитывая, что правовое регулирование требует определенности в отношении того, какие правила обязательны для соблюдения исходя из предписаний об использовании языка в качестве государственного (напр., какие слова или словосочетания допустимы в рекламе или в СМИ), знание каких правил необходимо продемонстрировать при сдаче экзамена на владение государственным языком, наличие подобного «стандартного» языка не просто оправданно, но и необходимо, когда речь идет о государственном языке.

«Стандартный» язык в российской лингвистике в силу традиции, восходящей к Пражскому лингвистическому кружку [Чемоданов 1975: 7–8], обозначается как «литературный» язык [ЛЭС 1990: 270–271], что может ввести в заблуждение тех, кто незнаком с традиционным словоупотреблением в отечественном языкознании. Речь не идет о языке литературы с присущим такому языку жанровым, стилистическим и прочим многообразием, а именно о кодифицированной, наддиалектной норме языка. Именно литературному языку как лингвистической категории в наибольшей степени соответствует понятие государственного языка, хотя эти понятия имеют разное происхождение. Государственный язык соответствует литературному языку с соблюдением, как совершенно справедливо отмечают О. В. Мякшева и О. Б. Сиротинина, стилистической нормативной дифференциации в разных сферах использования государственного языка [Мякшева, Сиротинина 2017: 86].

Однако гораздо важнее другое. При обсуждении понятия государственного языка этот предмет естественным образом воспринимается как предмет изучения и экспертизы языкознания (лингвистики), хотя на самом деле его характеристики лежат больше в области социологии и права. Как было изложено и аргументировано выше, понятие государственного языка — это категория не языкознания, а права, поскольку государственный язык — это не разновидность языка, а его официальный статус [Мякшева, Сиротинина 2019]. «Государственный язык» — это термин политического и юридического ряда [Усачева 2013: 127], это правовой статус и правила использования языка в тех сферах, где — для обеспечения единого общественного коммуникативного и культурного пространства в государстве — установлены правила, основная цель которых — обеспечить большинству граждан государства понятность значимой для них информации.

Государственный язык в педагогике и образовании

Анализ лингвистических характеристик языка как государственного с точки зрения прикладных задач необходим для того, чтобы обеспечить изучение государственного языка в школе. В настоящее время во многих документах, регламентирующих в нашей стране сферу основного образования, используется термин «государственный язык», хотя во многих случаях трудно понять, что именно под ним подразумевается.

Самым простым и очевидным основанием для использования этого термина выступает противопоставление изучения общегосударственного языка изучению «родных» языков. Очевидные затруднения возникают в ситуации, когда русский язык — это родной язык для большинства школьников. В этом случае предполагается его изучение в качестве родного или в качестве государственного? Ответ будет

различным в зависимости от того, в какой плоскости он поставлен — методической или организационной.

С точки зрения методической отечественная традиция обучения языку различает подход к родному и к неродному языкам — и по методам обучения им, и по методам проверки владения ими.

В случае изучения родного языка основная цель обучения — научить анализировать язык, говорить на котором и понимать который ученики уже умеют, а также расширить языковые компетенции за счет увеличения словарного запаса, умения точнее и разнообразнее выражать свои мысли, составить представление об уместности или неуместности использования конкретных слов и выражений в определенных ситуациях — так представлены задачи изучения родного языка в Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования (5–9-й классы, раздел 11.1) [Приказ Минобрнауки 2010].

Обучение неродному языку преследует цель прежде всего научить использовать язык как средство коммуникации, научить понимать устную и письменную речь и выражать собственные мысли на этом языке. При наличии таких базовых языковых компетенций может идти речь об их развитии — в тех же направлениях, как и при изучении родного языка, но с условием необходимости смотреть на язык «со стороны», а не «изнутри», предполагая, что использование неродного языка требует большей осознанности и рационального выбора языковых средств, нежели интуитивная речевая деятельность на родном языке [Рыжова 2005].

Разумеется, в этой системе координат характеристика изучаемого языка как «государственного» выглядела бы странно, явно не соответствуя ни целям, ни содержанию различий в методиках изучения языка.

С точки зрения организационной противопоставление «родного» и «государственного» языка предполагает изучение родного языка в качестве реализации права на сохранение культуры и национальной идентичности, а государственно-го — скорее как реализации гражданских прав и обязанностей, связанных с причастностью к государству (к нации в политическом смысле): прав, связанных с необходимостью понимать значимую для человека информацию, и обязанностей, связанных с коммуникацией в официальных сферах (в первую очередь при взаимодействии с государством). Как эти цели могут и должны отражаться в преподавании? Учитывая, что в качестве государственного языка должен использоваться современный литературный язык, обучение «государственному» языку должно предполагать изучение самого понятия нормы языка, средств и способов нормирования и стандартизации литературного языка, социолингвистических представлений о приемлемости и уместности использования тех или иных языковых средств, чтобы четко очертить границы использования литературного языка. Изучение языка как государственного предполагает знакомство с юридическими нормами и правилами его употребления, в частности знание сфер обязательного использования государственного языка, официальных источников закрепления норм, соблюдение которых необходимо при использовании языка как государственного, и т. п.

Знакомство с нормативными документами, регламентирующими изучение языка в российских школах (федеральными государственными образовательными стандартами, примерными рабочими программами [Баранов и др. 2016; Пример-

ная программа 2018]), показывает, что именно такое содержание понятия «государственный язык» в подобных документах как раз не отражается, а предмет изучения ограничивается общим упоминанием о статусе русского языка как государственного [Буланов и др. 2013: 25].

Таким образом, в педагогике и в нормативных документах, регламентирующих вопросы образования, государственный язык также следует рассматривать в плоскости правовых требований и условий его использования. В противном случае понятие «государственный язык» оказывается лишенным какого-либо содержания, учитывая те выводы, которые были сделаны выше относительно невозможности отнести государственный язык к категориям языкознания.

Государственный язык как предмет правового регулирования

Учитывая, что понятие государственного языка не относится к понятиям ни языкознания, ни педагогики, оно должно характеризоваться исключительно как правовое. Что именно право регулирует в вопросах использования языка как государственного?

Из сказанного выше должно быть очевидно, что прежде всего правовыми нормами определяется, в каких сферах должен использоваться государственный язык. Перечисление в законодательных нормах сфер обязательного использования языка выделяет язык, который провозглашается государственным, среди прочих языков: последние могут использоваться в этих сферах только наряду с государственным, а свободно (т. е. без правовых ограничений) — только в других сферах.

Однако если бы дело ограничивалось такими требованиями, эти нормы были бы юридически очень неопределенными, учитывая, напр., что между разными языками и разными диалектами одного языка разницу провести очень сложно. Кроме того, само по себе только лишь обозначение языка, который провозглашается государственным и обязателен к употреблению в обозначенных сферах, не всегда решает главную задачу правового регулирования — обеспечение понятности и доступности излагаемой на нем информации для всех граждан. Недостаточно назвать язык. Нужно определить, какие именно правила и нормы (лексические, синтаксические, орфоэпические, пунктуационные и орфографические) составляют основной, общепонятный для всех, кто владеет этим языком, вариант такого языка, т. е. какие нормы могут быть описаны как «стандартный» или «литературный» его вариант. Кроме того, для любого языка характерны определенные стилистические нормы употребления тех или иных языковых средств в определенных речевых ситуациях (иногда связанных с различными сферами использования языка, иногда отличающихся по иным основаниям — напр., устное или письменное общение с должностными лицами органов государственной власти). Такие стилистические нормы для государственного языка также должны быть определены, причем применительно к конкретным сферам или ситуациям использования языка как государственного. Однако речь не идет о создании каких-то специальных, особых норм государственного языка — в роли таких норм выступают нормы современного литературного языка, формализованные юридическими средствами. Формулировка, которая содержится в нормативных правовых актах [Постановление 2006] и которая вызывает активные возражения лингвистов [Усачева 2013: 129; Мякшева, Сиротина]

2017: 86], — «нормы современного русского литературного языка при его использовании как государственного языка Российской Федерации» — представляет в качестве норм государственного языка не что иное, как нормы литературного языка, юридически зафиксированные и формализованные в целях обеспечения использования современного литературного языка как языка государственного.

Правовое регулирование условий использования языка как государственно-справедливо относят к формам государственной языковой политики. Очевидна ориентированность правового регулирования на пурификацию языка, которую можно рассматривать как одну из задач языкового планирования [Хауген 1975: 445], однако в целом правовое регулирование, в отличие от других видов языкового планирования, не должно рассматриваться как направленное на какой-либо сдвиг языка. Фиксация языковых норм для целей правовой стандартизации языка стремится к гибким инструментам (в частности, постоянным переизданиям нормативных словарей), иначе основная цель как правового регулирования, так и языкового планирования вообще [Хауген 1975: 449] — обеспечение эффективной общественной коммуникации — не будет достигнута. В то же время в каждый отдельный момент времени **правовые** нормы должны давать ответ на вопрос, соблюдение каких **языковых** норм обязательно в сферах, обеспечивающих общее публичное пространство в стране.

Заключение

Изложенное выше позволяет сформулировать в качестве общего вывода, что государственный язык — это правовой статус, придаваемый определенному языку в целях обеспечения единства государства (как политической нации), создания единого общественного коммуникативного и культурного пространства вместе с установлением формализованных правил, соблюдение которых обязательно в сферах, нормативно определенных и в совокупности формирующих публичное пространство общественной коммуникации. Это пространство не ограничивается только взаимодействием с государством, а охватывает гораздо больший круг языковых доменов. Сферы общественной коммуникации, единство языка которой критически важно для обеспечения единства страны, должны включаться в предмет правового регулирования, но эти сферы, с одной стороны, не бесконечны и не охватывают все речевое поведение человека, а с другой — оказываются явно шире, чем официальное взаимодействие с органами государства. Само понятие государственного языка относится к числу правовых, а не лингвистических категорий. Функции обеспечения общего коммуникативного пространства государственный язык выполняет, обращаясь к лингвистической категории «стандартного» (литературного) языка, исходя из того, что именно эта часть национального (в лингвистическом значении) языка может обеспечить эффективную коммуникацию между представителями разных языковых сообществ. Указанные характеристики государственного языка должны учитываться при его изучении в школах; образовательные стандарты, программы и другие нормативно-методические документы должны учитывать необходимость освоения правил функционирования государственного языка.

Нормативные документы

- Закон 1991 — Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации». *Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного совета РСФСР*. 1991. № 50. Ст. 1740 (с последними изменениями).
- Закон 2005 — Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2005. № 23. Ст. 2199 (с последними изменениями).
- Постановление 2006 — Постановление Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации». *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2006. № 48. Ст. 5042.
- Приказ Минобрнауки 2007 — Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 мая 2007 г. № 152 «О порядке проведения экспертизы грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации». (Регистрационный № 9747 от 2 июля 2007 г.). *Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти*. 2007. № 28. С. 190–191.
- Приказ Минобрнауки 2010 — Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». (Регистрационный № 19644 от 1 февраля 2011 г.). *Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти*. 2011. № 9. С. 67–100.
- Примерная программа 2018 — *Примерная программа по учебному предмету «Русский родной язык» для образовательных организаций, реализующих программы основного общего образования*. Одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию. Протокол от 31 января 2018 г. № 2/18. https://fgosreestr.ru/wp-content/uploads/2018/02/Primer_naya_programma_Russkii_rodnoi_yazyk.pdf (дата обращения: 10.10.2019).

Словари и справочники

- Большой юридический словарь 2009 — *Большой юридический словарь*. Сухарев А. Я. (ред.). М.: Инфра-М, 2009. 858 с.
- ЛЭС 1990 — *Лингвистический энциклопедический словарь*. Ярцева В. Н. (гл. ред.). М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
- Новая философская энциклопедия 2010 — *Новая философская энциклопедия*: в 4 т. Т. 1: А–Д. М.: Мысль, 2010. 744 с.
- Ожегов, Шведова 1996 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. 3-е изд. М.: Азъ, 1996. 928 с.
- Словарь социолингвистических терминов 2006 — *Словарь социолингвистических терминов*. Михальченко В. Ю. (отв. ред.). М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
- Язык и общество 2016 — *Язык и общество: Энциклопедия*. Михальченко В. Ю. (ред.). М.: Азбуковник, 2016. 872 с.
- Minority-Language Related Broadcasting 2003 — *Minority-Language Related Broadcasting and Legislation in the OSCE*. McGonagle T., Noll B. D., Price M. (eds.). S.l: University of Oxford; Ivir, 2003. <https://www.osce.org/hcnm/78058?download=true> (дата публикации: 10.10.2019).
- The use of vernacular languages 1953 — *The use of vernacular languages in education*. Ser.: Monographs on fundamental education. Vol. 8. Paris: UNESCO, 1953. 156 p.

Учебники

- Баранов и др. 2016 — Баранов М. Т., Дейкина А. Д., Ладыженская Т. А., Тростенцова Л. А., Шанский Н. М. *Русский язык: Рабочие программы: Предметная линия учебников Т. А. Ладыженской,*

М. Т. Баранова, Л. А. Тростенцовой и других: 5–9 кл.: пособие для учителей общеобразовательных учреждений. 13-е изд. М.: Просвещение, 2016.

Буланов и др. 2013 — Буланов С. В., Серова А. В., Матюшкин А. В. *Русский язык как государственный язык Российской Федерации: учебно-методический комплекс модульной программы повышения квалификации преподавателей учреждений начального и среднего профессионального образования*: в 2 ч. Ч. 1. М.: Центр совр. образоват. технологий, 2013. 247 с.

Вахтин, Головкин 2004 — Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. *Социолингвистика и социология языка: учебное пособие*. СПб.: Гуманит. академия; Европейский ун-т в С.-Петербурге, 2004. 388 с.

Литература

Белов, Кропачев 2016 — Белов С. А., Кропачев Н. М. Что нужно, чтобы русский язык стал государственным? *Закон*. 2016, 10: 100–112.

Бурдые 2005 — Бурдые П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка *Отечественные записки*. 2005, (2 (23)): 146–174.

Гамперц 1975 — Гамперц Дж. Дж. Типы языковых сообществ. Пер. с англ. Ю. Д. Апресяна. В кн.: *Новое в лингвистике*. Вып. 7: Социолингвистика. Чемоданов Н. С. (общ. ред.). М.: Прогресс, 1975. С. 182–198.

Долинин 2004 — Долинин К. А. Социалистический реализм в лингвистике (к истории функциональной стилистики в СССР). В кн.: *Теоретические проблемы языкознания: сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета*. Верибская Л. А. (гл. ред.). СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 607–620.

Доровских 2007 — Доровских Е. М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык». *Журнал российского права*. 2007, (12): 8–20.

Жирмунский 1936 — Жирмунский В. М. *Национальный язык и социальные диалекты*. Л.: Художественная литература, 1936. 300 с.

Кронгауз 2003 — Кронгауз М. А. Родная речь как юридическая проблема. *Отечественные записки*. 2003, (2 (11)): 497–501. <http://www.strana-oz.ru/2003/2/rodnaya-rech-kak-yuridicheskaya-problema> (дата обращения: 10.10.2019).

Ленин 1914 — Ленин В. И. Нужен ли обязательный государственный язык. *Пролетарская правда*. 1914, (14 (32), 18 янв.): 1.

Ленин 1973 — Ленин В. И. Нужен ли обязательный государственный язык. В кн.: Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*: в 55 т. 5-е изд. Т. 24. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1973. С. 293–295.

Михальченко 2016 — Михальченко В. Ю. Введение: Языковая ситуация и языковая политика в современной России. В кн.: *Язык и общество: Энциклопедия*. Михальченко В. Ю. (ред.). М.: Азбуковник, 2016. С. 5–16.

Мякшева, Сиротинина 2017 — Мякшева О. В., Сиротинина О. Б. Государственный (литературный) русский язык: обязательные и возможные сферы его использования, нормы и реальный узус. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2017, 13: 82–89.

Мякшева, Сиротинина 2019 — Мякшева О. В., Сиротинина О. Б. Современный русский литературный язык как государственный язык Российской Федерации. *Русский язык в школе*. 2019, 80 (3): 22–26.

Нерознак и др. 2001 — Нерознак В. П., Орешкина М. В., Сабаткоев Р. Б. Русский язык в российском законодательстве. *Полилог*. 2001, (1): 15–30.

Пиголкин 1992 — Пиголкин А. С. Законодательство о языках Российской Федерации: опыт, проблема развития. В кн.: *Языковая ситуация в Российской Федерации: 1992*. М.: РАН, Отделение литературы и языка, 1992. С. 18–28.

Подмаско 2010 — Подмаско В. Б. «Государственный» значит «официальный». *Вестник ВЭГУ*. 2010, (5 (49)): 66–73.

Руднев, Садова 2017 — Руднев Д. В., Садова Т. С. Русский язык как государственный и современный русский литературный язык (в аспекте реализации Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации»). *Журнал российского права*. 2017, (2): 56–66.

- Рыжова 2005 — Рыжова Н. В. Методика преподавания русского языка как неродного: традиции и новации. *Русистика*. 2005, (1): 101–109.
- Рябова 2016 — Рябова Л. Г. Государственный язык как лингвистическая категория. *Успехи современной науки*. 2016, 7 (12): 37–43.
- Скворцов 2005 — Скворцов Л. И. Что родила гора?: О проекте федерального закона «О государственном языке Российской Федерации». *Литературная газета*. 2005, (9): 12. http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_537 (дата обращения: 10.10.2019).
- Усачева 2013 — Усачева О. Ю. Русский язык в функции государственного как лингвометодический объект. В кн.: *Функционирование русского языка как государственного в современных условиях: Всероссийская научно-практическая конференция (Москва, 7 декабря 2012 г.)*. Сборник статей. Киянова О. Н. (отв. ред.) М.: Рос. правовая академия Минюста России, 2013. С. 126–130.
- Хауген 1975 — Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование. Пер. с англ. Т. М. Николаевой. В кн.: *Новое в лингвистике*. Вып. 7: Социоллингвистика. Чемоданов Н. С. (общ. ред.). М.: Прогресс, 1975. С. 441–472.
- Хауген 2012 — Хауген Э. Диалект, язык, нация. Пер. с англ. В кн.: *Социоллингвистика и социология языка: Хрестоматия*. Вахтин Н. Б. (отв. ред.). СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2012. С. 97–113.
- Чемоданов 1975 — Чемоданов Н. С. Проблемы социальной лингвистики в современном языкознании. В кн.: *Новое в лингвистике*. Вып. 7: Социоллингвистика. Чемоданов Н. С. (общ. ред.). М.: Прогресс, 1975. С. 5–33.
- Шмелев 2006 — Шмелев А. Нужен ли «Закон о государственном языке». *Russian Language Journal*. 2006, 56: 95–99.
- Gumperz 1968 — Gumperz J. J. Types of linguistics communities. In: *Readings in the Society of Languages*. Fishman J. A. (ed.). Paris: The Hague, 1968. P. 460–472.
- Holmes 2013 — Holmes J. *An Introduction to Sociolinguistics*. 4th ed. London; New York: Routledge, 2013. 489 p.

Статья поступила в редакцию 14 октября 2019 г.
Статья рекомендована в печать 16 декабря 2019 г.

Sergey A. Belov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
s.a.belov@spbu.ru

Nikolay M. Kropachev

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
n.kropachev@spbu.ru

The notion of state language

For citation: Belov A. A., Kropachev N. M. The notion of state language. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 17 (1): 4–21. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.101> (In Russian)

The authors of the article focus on the notion of “state language” in an attempt to identify its role linguistically and as it pertains to its legal status. Despite the fact that it is generally understood, the usage of this term is often associated with different notions, resulting in an uncertainty of its meaning. The authors analyze the principles and purposes of establishing a state language, compare the meaning of the term in Russian with similar terms in other languages, including those which were included in the recommendations by UNESCO experts in 1953, and compare the notion with linguistic categories. They conclude that “state language” is

a legal concept rather than linguistic or lingvo-didactical. State language is a legal status given to a language in the aim of ensuring the unity of a state (as political nation) and establishing a common public communicative and cultural space along with establishing formal rules which require observance, in the spheres, normatively defined, that form the scope of public communication. The scope includes not only interaction with the state, but also encompasses a much greater area of language domains. These aims do not restrict the content of state language by one functional language style in order to acknowledge its social dialect or genre of language. Functions of organizing a common communicative space for the state language is executed with the linguistic category of standard (literary) language, based on the idea that this part of a national (in linguistic meaning) language is able to provide effective communication between different language communities.

Keywords: state language, official language, national literary language, language norms.

References

- Белов, Кропачев 2016 — Belov S. A., Kropachev N. M. What has to be done to make the Russian language national? *Zakon*. 2016, 10: 100–112. (In Russian)
- Бурдьё 2005 — Bourdieu P. Production and reproduction of the legitimate language. *Otechestvennye zapiski*. 2005, 2 (23): 146–174. (In Russian)
- Гамперц 1975 — Gumperz J. J. Types of linguistic communities. In: *Novoe v lingvistike*. Issue 7: Sociolinguistics. Chemodanov N. S. (ed.). Moscow: Progress Publ., 1975. P. 182–198. (In Russian)
- Долинин 2004 — Dolinin K. A. Socialist realism in linguistics (on the history of functional stylistics in the USSR). In: *Teoreticheskie problemy iazykoznaviia: sbornik statei k 140-letiiu kafedry obshchego iazykoznaviia Filologicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. Verbitskaia L. A. (ed.). St. Petersburg: Faculty of Philology, Saint Petersburg State University Publ., 2004. P. 607–620. (In Russian)
- Доровских 2007 — Dorovskikh E. M. To the question of delimitation of notions of “state language” and “official language”. *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2007, (12): 8–20. (In Russian)
- Жирмунский 1936 — Zhirmunskii V. M. *National language and social dialects*. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1936. 300 p. (In Russian)
- Кронгауз 2003 — Krongauz M. A. Native speech as a legal problem. *Otechestvennye zapiski*. 2003, 2 (11): 497–501. <http://www.strana-oz.ru/2003/2/rodnaya-rech-kak-yuridicheskaya-problema> (access date: 10.10.2019). (In Russian)
- Ленин 1914 — Lenin V. I. Is the obligatory state language needed? *Proletarskaia Pravda*. 1914, (14 (32), Jan. 18): 1.
- Ленин 1973 — Lenin V. I. Is the obligatory state language needed? Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii*: in 55 vols. 5th ed. Vol. 24. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit. Publ., 1973. P. 293–295. (In Russian)
- Михальченко 2016 — Mikhal'chenko V. Iu. Introduction: The language situation and language policy in modern Russia. In: *Iazyk i obshchestvo: Entsiklopediia*. Mikhal'chenko V. Iu. (ed.). Moscow: Azbukovnik Publ., 2016. P. 5–16. (In Russian)
- Мякшева, Сиротинина 2017 — Miaksheva O. V., Sirotinina O. B. Russian state (literary) language: mandatory and possible spheres of application, norms and real usage. *Trudy instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*. 2017, 13: 82–89. (In Russian)
- Мякшева, Сиротинина 2019 — Miaksheva O. V., Sirotinina O. B. Modern Russian literary language as the state official language of the Russian Federation. *Russkii iazyk v shkole*. 2019, 80 (3): 22–26. (In Russian)
- Нерознак и др. 2001 — Neroznak V. P., Oreshkina M. V., Sabatkoiev R. B. Russian language in the Russian legislation. *Polilog*. 2001, (1): 15–30. (In Russian)
- Пиголкин 1992 — Pigolkin A. S. Legislation on languages of the Russian Federation: experience, development problem. In: *Iazykovaia situatsiia v Rossiiskoi Federatsii: 1992*. Moscow: RAS, Department of Literature and Language Publ., 1992. P. 18–28. (In Russian)
- Подмаско 2010 — Podmasko V. B. “National” means “official”. *Vestnik Vostochnoi ekonomiko-iuridicheskoi gumanitarnoi akademii*. 2010, 5 (49): 66–73. (In Russian)

- Руднев, Садова 2017 — Rudnev D. V., Sadova T. S. Russian language as the state language of the Russian Federation and contemporary Russian literary language (in the framework of implementation of the federal law “On State Language of the Russian Federation”). *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2017, (2): 56–66. (In Russian)
- РЫЖОВА 2005 — Ryzhova N. V. Trading and innovation in the methods of teaching Russian language as a non-native language. *Rusistika*. 2005, (1): 101–109. (In Russian)
- Рябова 2016 — Riabova L. G. State language as a linguistic category. *Uspekhi sovremennoi nauki*. 2016, 7 (12): 37–43. (In Russian)
- Скворцов 2005 — Skvortsov L. I. What did the mountain give birth to?: About the draft federal law “On the Russian State Language of the Russian Federation”. *Literaturnaia gazeta*. 2005, (9): 12. http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_537 (access date: 10.10.2019). (In Russian)
- Усачева 2013 — Usacheva O. Iu. Russian language in the function of state language as lingvo-didactical object. In: *Funktsionirovanie russkogo iazyka kak gosudarstvennogo v sovremennykh usloviakh: Vserossiiskaia nauchno-prakticheskaia konfetsiia (Moskva, 7 dekabria 2012 g.)*. Kiianova O. N. (ed.) Moscow: Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of Russia Publ., 2013. P.126–130. (In Russian)
- Хауген 1975 — Haugen E. Linguistic and language planning. Transl. from English by T. M. Nikitina. In: *Novoe v lingvistike*. Issue 7: Sotsiolingvistika. Chemodanov N. S. (ed.). Moscow: Progress Publ., 1975. P.441–469. (In Russian)
- Хауген 2012 — Haugen E. Dialect, language, nation. Transl. from English. In: *Sotsiolingvistika i sotsiologiia iazyka: Khrestomatiia*. Vakhtin N. B. (ed.). Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg Press, 2012. P.97–113. (In Russian)
- Чемоданов 1975 — Chemodanov N. S. Problems of social linguistic in the modern linguistics. In: *Novoe v lingvistike*. Issue 7: Sotsiolingvistika. Chemodanov N. S. (ed.). Moscow: Progress Publ., 1975. P.5–33. (In Russian)
- Шмелев 2006 — Shmelev A. Is the “Law on state language” needed? *Russian Language Journal*. 2006, 56: 95–99. (In Russian)
- Gumperz 1968 — Gumperz J. J. Types of linguistics communities. In: *Readings in the Society of Languages*. Fishman J. A. (ed.). Paris: The Hague, 1968. P.460–472.
- Holmes 2013 — Holmes J. *An Introduction to Sociolinguistic*. 4th ed. London; New York: Routledge, 2013. 489 p.

Received: October 14, 2019
Accepted: December 16, 2019